2022-12-06 **RTVI: «У нас все заточено на одно лицо». Сергей Обухов о военном конфликте на Украине и президентских выборах 2024 года**

Зампред комитета Госдумы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений, член президиума ЦК КПРФ Сергей Обухов, которого называют главным политтехнологом партии, рассказал RTVI в программе «Хроники нового мира» об отношении к специальной военной операции на Украине, ошибках Минобороны России, нужна ли сегодня в России оппозиция и планах КПРФ на выборы президента России в 2024 году.

О том, почему в России вооруженный конфликт на Украине до сих пор называют «специальная военная операция»

Изначально, как я понимаю, планировалось, что это будет специальная военно-полицейская операция: принуждение к миру, принуждение к соглашению. То, что мы сейчас имеем, уже, конечно же, далеко вышло за рамки специальной военной операции. Но если мы сравним войну «Буря в пустыне» (операция США и союзников по восстановлению суверенитета Кувейта, захваченного иракской армией в августе 1990 года), войну США с Югославией, войну в Ливии, то специальная военная операция со стороны России явно не тянет на слово «война». Все равно существует куча ограничений, которые говорят об ее ограниченном характере. Я думаю, что и в ближайшее время власть вряд ли переименует ее.

Значит, так удобнее всем и с правовой точки зрения, и политикам, хотя все понимают и иносказательно называют ее «биологическая война», «гибридная война», «война с Западом». В данном случае она уже как образ. Когда будет произнесено слово «война», это повлечет за собой совершенно другой правовой режим и другую ситуацию в стране.

Лично мое понимание: война — это абсолютно жесткий режим, который предполагает, невзирая на гражданское население, невзирая на инфраструктуру, невзирая ни на что, достижение военных целей. Значит, все-таки, когда мы проводим ограниченную военную операцию, мы подразумеваем: украинский народ — это часть русского народа, триединого русского народа, это наши люди, пусть заблудшие.

О том, почему за использование «неправильного» с точки зрения государства названия СВО людей привлекают к ответственности

Правоприменение по данному вопросу из ряда вон выходящее. И здесь должен быть громче голос оппозиции, в данном случае Компартии, для того чтобы защищать права граждан. Надо смотреть каждый конкретный случай. Наши правоприменители, видимо, к этому присовокупляют еще какие-то другие отягчающие обстоятельства. Проблема в правоприменении. Меня тоже волнует этот вопрос. Наверняка мне надо как депутату запросить в судебном департаменте, сколько за слово «война» привлечено, на каких основаниях, проанализировать практику и что-то делать с законодательным регулированием.

Об уходе из Херсона и ответе Минобороны на запрос КПРФ

Есть процедура в Государственной думе — парламентское обращение, протокольное поручение Государственной думы, которое имеет, скажем так, статус сверхзапроса, потому что на него должны оперативно отреагировать различные органы и организации, должны отвечать только первые лица. Мы попробовали эту процедуру активировать, собрали подписи соответствующих депутатов фракции и вынесли на пленарное заседание.

К сожалению, только наша фракция проголосовала за это, поэтому статуса запроса, протокольного поручения наше обращение не имеет. В данном случае оно имеет только информационное значение, так что КПРФ поставила эту проблему перед обществом, перед властями. Власть от нее отмахнулась. Мы это видим на уровне президента: президент слово «Херсон» упомянул один раз, как будто бы в общем плане, а сама

ситуация по Херсону никаких объяснений, толкований, скажем так, не вызвала официальных.

Мы тоже внимательно анализируем социологию, смотрим, как реагирует общество. Если взять Google Тренды, то большинство запросов не касается фразы «сдача Херсона», они не в негативном [ключе], а все-таки в русле официальной позиции — это перегруппировка. Наш Центр исследований политической культуры делал свое исследование восприятия народа. У нас есть свой телефонный робот. Он позволяет нам оперативно опрашивать стандартную общероссийскую выборку. На наше удивление, здесь тоже большинство граждан эту ситуацию с Херсоном восприняло в русле той позиции, которую навязывают, пропагандируют основные телеканалы, то есть треть [говорят], что это была военная необходимость, 40% вообще — «а военным виднее». То есть такая отстраненная гражданская точка зрения.

О правовых коллизиях после принятия Россией новых территорий

Республики у нас приняты, есть соответствующее решение Конституционного суда, есть соответствующий закон. В данном случае даже определены границы: Донецкой Народной Республики в административных границах бывшей Донецкой области, но мы до сих пор еще не все контролируем. То же самое по Луганской Народной Республике: в Конституции у нас определены административные границы, но мы еще в военном плане их не контролируем. Та же ситуация с Запорожской и Херсонской областями. Да, значительная часть, 70% территории, освобождено, остальные нужно освобождать.

По крайней мере правовая точка зрения здесь понятна: это российские территории, в административных границах идет специальная военная операция, которая призвана их вернуть. Поэтому пока здесь больших правовых коллизий я не вижу.

Если брать политический процесс юридического оформления, он идет точно так же и по той же схеме, что и с Крымом. Просто Крым уже пережил выборы в Государственную Думу, была специальная перенарезка округов… У нас по Конституции должно быть 450 депутатов в нижней палате, т. е. их не может быть больше или меньше, потому что 450 округов нужно будет перенарезать потом на территорию Запорожской области, Донецкой Народной Республики, Луганской и Херсонской. Какие-то округа, допустим, в Москве уберут.

О том, почему Минобороны России недостаточно информирует граждан о военной операции…

Наверное, этот вопрос лучше напрямую задать Министерству обороны. Я как депутат об этом ору и постоянно высказываю возмущение. Но очень интересная тактика ответа от нашего Министерства обороны. Я задаю прямые вопросы, допустим, по снабжению армии квадрокоптерами — все то, что наши военкоры объявляют во всеуслышание — а ответ использовать не могу. Они мне все ответы секретят: очень хитро. То есть получается, что вроде бы по закону любой мой запрос является публичным, гласным, я имею право его использовать, а до общества донести не могу…

Ответы меня более чем не удовлетворяют.

Я не открою большой тайны: по всем вопросам снабжения наших мобилизованных и его недостатков, я получаю ответы, что «всего достаточно». Я не уточняю все детали того, что они мне отвечают, но квинтэссенция этого — «в войсках всего достаточно».

Ну как оно «всего достаточно»…

Вот даже если посмотреть на фотографии с того же Сватовского участка (Луганская область), там мобилизованные стоят без бронежилетов, в касках 1968 года. Как это «всего достаточно»? У меня же тоже [есть] и знакомые, и ближайшие родственники в зоне специальной военной операции, я тоже получаю информацию о том, что там происходит. И мне мой близкий знакомый говорит, что ему предложили купить берцы в Донецке за 37 тысяч рублей…

… и кто должен нести ответственность

Понятно, что это ошибка министерства обороны. Понятно, что здесь сказывается наслоение — сердюковщина (имеется в виду период с 2007 по 2012 годы, когда

министерство обороны возглавлял Анатолий Сердюков — прим. ред.), наследие которой господином Шойгу до сих пор не преодолено. На мой взгляд, не время для политических разборок и политических расследований, но наша позиция тоже заявлена: мы 4 раза ставили вопрос расследования деяний господина Сердюкова, 4 раза на Государственную думу выносилось требование расследования того, что делается с нашей армией…Господин Шойгу во главе списка «Единой России». Все 4 раза эта партия блокировала рассмотрение в Государственной думе парламентского расследования, конституционного, законного расследования того, что делалось с нашей армией.

Отставка Шойгу — это политическое решение, такого политического решения нет. Мы в данном случае призываем к ответственности и к ответу. Пока мы не получили ответов, значит, дальнейшие выводы политические…

А может быть, виноваты инопланетяне и, значит, наш министр обороны здесь ни при чем. Может быть, еще какие-то обстоятельства непреодолимой силы возникли. Я просто говорю, что партия постоянно ставит вопросы. Было специальное заявление Геннадия Андреевича Зюганова о непорядке в организации специальной военной операции, о непорядке снабжения войск, о, на наш взгляд, неправильных политических решениях. После этого был страшный вой — в чем только Зюганова ни обвиняли по этому поводу.

Недовольство внутри политической элиты очевидно, потому что все были настроены на один характер специальной военной операции. Теперь, на мой взгляд как политолога, в данном случае это уже борьба на истощение и это требует совершенно других подходов. Опять отсылаю к решениям партии и Зюганова: если меняется характер такой специальной военной операции и мы уже говорим про столкновение с Западом, про борьбу на выживание и на истощение, то это должен быть и другой характер организации политической, экономической жизни — всей риторики власти.

Есть общее военно-политическое руководство, оно пожинает все лавры, обязано пожинать и все неудачи. Поэтому здесь вопрос очевиден. Наверное, скажем так, роль Государственной думы тоже есть, мы принимали эти решения, одобряли их. У нас есть по Конституции повышенные контрольные функции — значит, мы плохо спрашивали с исполнительной власти. Наверняка, как там, у победы много отцов, у поражения или у неудачи, она всегда сирота. Поэтому сейчас, наверное, все понимают, что нужны какие-то признания власти…

О том, что нужно было сделать, чтобы «24 февраля не случилось»

Владимир Владимирович, честно, мне это очень понравилось, объявил, что решение по ДНР и ЛНР нужно было принимать в 2014 году. Зюганов, КПРФ с 2014 года единственные говорили, что в условиях развала тогдашнего украинского государства, в условиях переворота нужно было принимать решение по Новороссии и по признанию ДНР и ЛНР. Мы единственная политическая сила, которая об этом говорили. Сегодня президент признает, что была такая ошибка.

Я думаю, что 24 февраля однозначно бы не было, потому что в том состоянии, в котором была территория бывшей Украинской ССР, «русская весна» от Одессы до Харькова, все задачи, которые мы сейчас ставим в специальной военной операции, были бы решены тогда.

Но, как говорится, «если бы я был такой умный, как моя жена потом». Сейчас мы признаем, что КПРФ права.

Но мы же понимаем, что у власти и у политического руководства существовали какие-то опасения. Видимо, произошла переоценка, что эти опасения были не столь существенны перед теми издержками, которые мы несем сейчас, проводя специальную военную операцию. Я думаю, что если бы еще была задержка с проведением специальной военной операции после 24-го, то издержки были бы гораздо страшнее.

О том, кто несет ответственность за провал Минских соглашений

У нас все заточено на одно лицо. Оно может делегировать эти решения нижестоящему уровню, какие-то советники могут что-то говорить и так далее, но он в итоге принимает решения. Значит, за все происходящее в стране несет ответственность президент России. Разбираться с конкретными исполнителями, которые не выполнили его поручение, обманули, уже его дело. По-другому не может быть, потому что у нас суперпрезидентская республика.

О возможности объявления второй волны мобилизации

Я понимаю, откуда растут ноги. Наши оппоненты очень внимательно следят за тревожностью общества. Вот ФОМ (Фонд «Общественное мнение» — прим. ред), который работает на Администрацию президента, публикует данные по тревожности. Наш центр политической культуры тоже замеряет степень тревожности: последний раз 54% заявили — «на душе очень тревожно». «На душе» — это один из вариантов ответа по поводу развития специальной военной операции.

Здесь выявлена четкая корреляция: разговоры об объявлении мобилизации резко повышают тревожность в обществе. Как говорят социальные психологи, это «невротизация общества». И я так понимаю, что любой политический руководитель не заинтересован в том, чтобы общество было невротизировано, поэтому идет успокоение. Власти говорят, что [мобилизации] не будет.

Наверное, общество не от мобилизации испытывает беспокойство, а от того, что цели специальной военной операции, которые декларированы официально, до сих пор решаются. Мы тоже замеряем, как граждане воспринимают, достигли мы успеха в специальной военной операции или не достигли. Здесь большой сумбур в головах.

Мне кажется, наши оппоненты выявили такой триггер в массовом сознании: вот начинай вбрасывать тему мобилизации, и общество начнет страшно нервничать.

Что касается военно-политической ситуации, нужно понимать, что боевые действия и сражения с геополитическим противником тоже предполагает некую скрытность. Поэтому в данном случае я это списываю на закономерную скрытность власти, которая осуществляла соответствующие военные действия. В данном случае я оправдываю власть по кардинальным вопросам войны и мира, когда прояснение событий до того, как приняты какие-то действия, просто сорвало бы операцию. Но я не отрицаю, что сначала говорили, что не будет монетизации, потом, что не будет пенсионной реформы, и так далее. То есть власть все время лукавит, и это лукавство снижает доверие к власти и дальше, на мой взгляд, подрывает стабильность в обществе. Но я еще раз говорю: нельзя требовать от президента, чтобы он вышел и сказал, что «через месяц я начну специальную военную операцию на Украине».

О целях специальной военной операции и том, как их понимают граждане России

Опираясь на данные социсследований, по крайней мере треть граждан заявляет, что она твердо понимает цели. В данном случае вопрос поставлен прямо — «Достигнуты ли цели специальной военной операции?». В той или иной степени граждане заявляют, что они понимают.

Есть значительная доля граждан, которая декларирует, что не понимает. Я с ними согласен, потому что та невнятица, которая транслируется официальной пропагандой, в том числе высшими должностными лицами, которые сегодня заявляют, что мы ограничиваемся Донецкой и Луганской Республиками, а после этого мы проводим референдумы в Херсоне и в Запорожье.

О смысле разрушения критически важной инфраструктуры Украины

Что такое уничтожение инфраструктуры? Здесь мы решаем задачу, чтобы наши войска могли продвигаться вперед, освобождать территорию. Потому что без слома военно-экономической машины нашего геополитического противника, ее решить нельзя.

Я связываю эти удары по инфраструктуре с тем, что боевые действия застопорилась и сейчас мы, по сути, имеем позиционную борьбу. То есть речь идет о том, что российское военно-политическое руководство пытается получить дополнительные рычаги давления на киевский режим.

По крайней мере это один из инструментов принуждения…

О преемнике Зюганова на посту лидера КПРФ

Традиционный вопрос в связи с Жириновским про преемника. Понимаете, у ЛДПР лидерская партия, там престолонаследие. В КПРФ это невозможно, потому что мы

все-таки идеологическая партия. При всем бесспорном лидерстве Геннадия Андреевича партия это решение будет принимать самостоятельно.

Сейчас такой консенсус есть в партии: Зюганов — это наставник нации и наиболее авторитетный политик, и его нужно в роли лидера партии, гуру, учителя, сохранять. А дальше есть второй уровень политиков, и мудрость Зюганова состоит в том, что он сейчас отошел, в фокус внимания выставил молодых. Его доминирования практически не так очевидно в публичной сфере в отличие от Жириновского.

О том, будет ли Зюганов участвовать в выборах президента в 2024 году

Не факт. Может быть, и пойдет. Если партия скажет, он пойдет. В прошлый раз, когда выдвигали [директора совхоза им. Ленина Павла] Грудинина, он отказался, сказал, «хочу, чтобы мы посмотрели политиков другого поколения». И кстати, это великая находка — участие Грудинина в выборной кампании.

Когда я говорю про внутрипартийные дискуссии вопрос о лидерстве Зюганова просто не стоит. Но он сам выдвигает плеяду тех людей второго уровня, которые, по сути дела, уже многие направления партийной работы берут и определяют. Мы сейчас обсуждаем порядка 8-10 кандидатов, кого можно выдвинуть на президентские выборы, в том числе включая и Грудинина.

О том, готовятся ли власти к следующим президентским выборам

У господина [Александра] Харичева (начальника Управления президента России по обеспечению деятельности Госсовета — прим. ред.) целая группа создана в Администрации президента, которая уже занимается проработкой этих вопросов. Как есть специальная военная операция, так в политике проводится «специальная электоральная операция».

Когда вносились поправки в Конституцию, в первом пакете никто не рассматривал вопрос об обнулении сроков Владимира Владимировича.

Он появился как «специальная политическая операция» уже на втором этапе, как сказал Владимир Владимирович, «чтоб не рыскали глазами». Поэтому я думаю, что даже если будет принято решение Владимиром Владимировичем по образцу 2008 года куда-то уйти в сторону, мы это узнаем в самый последний момент.

О том, нужна ли оппозиция на фоне поддержки вооруженного конфликта на Украине

Мы — голос тех, кто выступает за антиолигархический характер специальной военной операции. Мы ее поддерживаем. Те цели, которые заявлены, разделяем. Мы борющаяся партия. 9 человек руководства нашей партии — погибшие. Не просто участвовавшие, а погибшие в специальной военной операции, получившие награды, кровью доказавшие, что мы сражающаяся партия. Но мы не хотим договорняков, мы не хотим, чтобы под патриотическими лозунгами опять олигархия свои шахер-махеры творила, и мы будем об этом говорить, мы будем настаивать на этой патриотической позиции.

Сам факт, что против КПРФ, даже вроде бы системной, которая не ставит под сомнение цели СВО, ведется борьба на изничтожение, — еще раз говорит о том, что мы реально представляем серьезную опасность для этой части партии власти, которая настроена на деструктив, на коррупцию, на предательство. Если брать губернаторские выборы, которые уж казалось бы и так зачищены, кандидат от КПРФ, который вызывает симпатии, который доказывает свою реальную борьбу, способствует агрегированию всех протестных слоев. Собственно говоря, это произошло и на выборах в Госдуму, когда значительная часть общепротестного, недовольного электората голосовала не по идеологическим соображениям за КПРФ… То есть это говорит о том, что запрос все равно на альтернативу в обществе есть, и КПРФ рассматривается как этот агрегатор.

Да, к нам полно претензий, мы тоже стараемся меняться и соответствовать этому общественному запросу. Мы понимаем, что мы — голос рассерженных патриотов, голос обездоленных, голос всех тех, кто возмущается несправедливостью, а этих граждан в обществе очень-очень много.

О том, растет ли в обществе запрос на окончание военной операции и заключение мира

Здесь социология тоже стандартна. На вопрос, «продолжали бы вы или не продолжали военные действия», мы имеем соотношение 60 на 40. Оно с каждым месяцем очень волнообразно в зависимости от ситуации.

Меня очень удивило, что отступление российской армии с Херсона каких-то кардинальных изменений в массовые настроения не внесло. Может быть, это связано с той информационной подачей, которая доминирует…

Хотя если брать исследования Russian Field, которые я тоже смотрю внимательно, то на 8% за 2 недели увеличилась доля тех, кто негативно воспринимают принятое решение по отступлению из Херсона. То есть это, на мой взгляд, долгоиграющие последствия, в том числе в массовом сознании.

О законе об иностранных агентах

Дело в том, что чем дальше, тем больше законодательство становится двусмысленным. Под видом борьбы с иноагентами, по сути дела, у граждан украдена 31-я статья Конституции, когда невозможно проводить массовые акции. Там уже такой перечень территорий, где невозможно проводить… Это все тоже под предлогом борьбы с иноагентами. К президентским выборам мы предложим свой демократический проект Конституции России. Я думаю, что одно из требований партии на президентских выборах будет пересмотр этого репрессивного законодательства, которое, по сути дела, выхолащивает действующие статьи Конституции.